

Так маленький Чжо Лань и остался с Алексом.

Алекс вел жизнь бродяги, не имея постоянного пристанища. Он просто переходил от одной деревни к другой, от города к городу. Порой им приходилось ночевать под открытым небом: вечером они разгребали прогоревший костер, устилали теплую землю хворостом, соломой и палой листвой и засыпали у самого огня, спасаясь от ночной прохлады.

Самому Алексу такие тяготы казались пустяком — он давно привык к походной жизни.

Чжо Лань тоже никогда не жаловался: рядом с Алексом ему всегда было спокойно и тепло.

Вот только Алекс прекрасно понимал, что маленькому ребенку не место на дороге.

Кулинарным талантом он не отличался. Обычно они перебивались сухим пайком, изредка разбавляя рацион подстреленной птицей или мелкой дичью. К тому же, благодаря своей силе, Алекс мог вообще подолгу обходиться без еды.

Но Чжо Лань — совсем другое дело.

Он был еще слишком мал. Алекс видел, каким хрупким рос мальчик, гораздо слабее и тоньше своих сверстников. Ему нельзя было изо дня в день терпеть лишения и спать на сырой земле.

К тому же такая жизнь таила в себе немало опасностей.

Чжо Лань был обычным человеческим ребенком. Даже если на пути не встретятся дикие звери или монстры, любая случайность могла стать для него роковой. Мальчик легко мог пораниться, заболеть или по глупости набрести на какую-нибудь скрытую угрозу. Вглядываясь в ночную чащу леса, Алекс смотрел на спящего Чжо Ланя, и в груди его шевелился необъяснимый страх: казалось, бескрайняя тьма вот-вот поглотит это беззащитное существо.

Этот ребенок заслуживал большего, чем вечные скитания по дорогам.

И тогда Алекс принял твердое решение.

Прежде привыкший бродяжничать без цели, теперь он точно знал, куда держит путь, и вел мальчика за собой.

Чжо Лань ни о чем не догадывался. Его дни текли своим чередом. Даже когда на обед приходилось довольствоваться черствым черным хлебом, размоченным в горячей воде, он ел с неизменным аппетитом и искренней радостью.

Закончив трапезу, он бережно расходовал остатки чистой воды, чтобы умыться, а затем срывал пахучий зеленый листок и старательно протирал им ладони.

Всему этому его терпеливо учил Алекс.

— Я всё! — Чжо Лань подбежал к сидящему у костра Алексу, обвил ручками его шею и звонко поцеловал в щеку. — Доброе утро, Алекс!

— Ты уже здоровался со мной сегодня, — с улыбкой заметил Алекс.

— А я хочу еще раз! — весело сощурился Чжо Лань, разжимая объятия и выпрямляясь. — Ну всё, теперь мы точно готовы. Пойдем!

Глядя на этого беззаботного, счастливого ребенка, Алекс ловил себя на мысли, что мальчик похож на крохотного эльфа, рожденного в чистых брызгах горного источника.

Его кудрявые золотистые волосы забавно топорщились на кончиках, придавая ему сходство с пушистым одуванчиком. Глаза — пронзительно-синие, точь-в-точь безоблачное небо или сокрытое в лесной глуши озеро — светились безграничным, чистым доверием. И в их глубине неизменно отражался сам Алекс.

Живой, обаятельный, порой капельку озорной, этот ребенок обладал удивительным даром согреть душу. Сердце Алекса рядом с ним неизменно таяло от щемящей нежности.

Мальчик напоминал крохотного пушистого котенка, который доверчиво жмется к ногам и тихонько мурлычет, растапливая любую суровость. Ну как можно было обречь такое чудо на лишения бродячей жизни?

Прежде Алекс никогда не гнался за роскошью и легко мирился с бытовой неустроенностью, но теперь, глядя, как весело носится вокруг Чжо Лань, он остро ощутил: так продолжаться не может. Эта серая скудость — не для него.

Он просто не имел права держать мальчика при себе.

Да, Чжо Лань наполнял его дни теплом, да, забота о нем была в радость, но Алекс не мог позволить себе такую эгоистичную роскошь.

Малыш чудом спасся из кровавой бойни, и отделаться мыслью «выжил — и ладно» было бы непростительно. Раз уж память милосердно стерла весь пережитый кошмар, Чжо Лань должен начать с чистого листа. Он заслуживал лучшего будущего: расти в покое, уюте и достатке, окруженный заботой любящих людей, а не мокнуть под дождями на бесконечных дорогах.

Не пристало ему кутаться в жесткую грубую дерюгу и изо дня в день давиться несъедобной стряпней.

— Чжо Лань, — позвал Алекс.

Он поднялся на ноги и мягко взъерошил золотистые вихры мальчика:

— Скажи, тебе хотелось бы жить лучше?

— Но мне и так очень хорошо! — Чжо Лань крепко уцепился за его широкую ладонь и улыбнулся. — Мне весело каждый день.

— Я имею в виду — по-настоящему хорошо, — Алекс осторожно сжал его маленькие пальчики. — Есть досыта мягкую, вкусную еду, носить нарядную одежду и спать в теплой постели. Чтобы вокруг были люди, которые будут любить тебя и учить книжной грамоте. Чтобы ты рос без забот и страхов, а все беды обходили тебя стороной.

Чжо Лань наивно рассудил, что Алекс говорит об их общем будущем и просто хочет переменить их жизнь.

Что именно должно измениться, ребенок в силу возраста понять не мог, а потому ухватил лишь буквальный смысл.

— Конечно хочу! — послушно кивнул он.

Алекс ласково улыбнулся:

— Вот и славно. Теперь я знаю, что делать.

Они шли еще около двух недель, пока наконец не добрались до сонного, тихого городка.

Алекс сразу же отыскал местную лавку тканей, где выбрал для Чжо Ланя отрез мягкого сукна с красивой вышивкой. Портной тут же принялся обмерять притихшего мальчика, готовясь шить новый наряд.

От удивления и испуга Чжо Лань лишился дара речи, а придя в себя, принялся отчаянно мотать головой и упираться.

— Не надо, это слишком дорого! Нам не по карману! — Чжо Лань почти лег на прилавок, со

страхом глядя на монеты, которые Алекс выкладывал перед продавцом. — Пожалуйста, не надо! Верните нам деньги, мы передумали!

Несмотря на юные годы и забытое прошлое, мальчик болезненно реагировал на любые траты. Он прекрасно помнил, с каким трудом Алекс добывал монеты — нанимался на опасную работу, выслеживал в глуши свирепых хищников и рисковал жизнью. Малыш страшно боялся за своего покровителя, но помочь ничем не мог, а потому изо всех сил старался ни о чем не просить.

Меньше есть, носить обноски и ни о чем не просить — это был единственный доступный ему способ сберечь монеты и удержать Алекса от очередного смертельного контракта.

Алекс давно разгадал эти детские уловки. Сколько бы он ни твердил, что лесные твари не представляют для него никакой угрозы, Чжо Лань упрямо продолжал ужиматься во всем. И от этого сердце Алекса сжималось еще сильнее: ребенок не должен нести на плечах взрослую тревогу о куске хлеба.

— Ну-ну, тише, всё уже оплачено. К тому же мне очень нравится эта ткань, — Алекс легко подхватил упирающегося кроху на руки и вынес на улицу. — Это совсем недорого, поверь. За последний заказ мне отсыпали целый кошель золота, так что беспокоиться не о чем.

Чжо Лань тоскливо оглянулся на закрывающуюся дверь лавки:

— Но ведь можно было...

— Никаких «но», — мягко пресек его Алекс и покрепче прижал к себе, не собираясь опускать на землю. — Лучше держись крепче. Мы идем в гости к моим хорошим знакомым.

— Отпусти меня, — вяло завозился Чжо Лань. — Я уже большой, сам дойду.

— На руках быстрее, — не поддался Алекс.

— Но я же тяжелый...

— Да в каком месте ты тяжелый? — Алекс покачал головой. — Ты легкий как пушинка. Я бы только радовался, нагуляй ты хоть немного весу... — Он внезапно осекся, не желая продолжать, и поспешил сменить тему: — Мой приятель — отличный повар, вот увидишь. Тебе понравится его угощение.

Чжо Лань мгновенно подобрался и подозрительно прищурился:

— А за обед придется платить?

— Нет, что ты, — усмехнулся Алекс. Разумеется, даже если бы плата требовалась, он ни за что не признался бы в этом ребенку. — Расслабься, нас угощают.

— Ну тогда ладно, — наконец сдался Чжо Лань и доверчиво положил голову ему на плечо.

Знакомые Алекса жили в небольшом чистеньком доме с зеленым двориком. Это была супружеская пара лет сорока пяти.

Глава семейства оказался настоящим богатырем — Чжо Ланю пришлось задрать голову так высоко, что у него затекла шея. Его супруга, напротив, была женщиной приятной полноты, с мягким лицом и на редкость добродушной улыбкой.

Поначалу Чжо Лань побаивался подходить к столь крупному мужчине, но теплое отношение быстро растопило лед. Хозяин шутя подхватил мальчика одной рукой, без труда взметнул вверх и добродушно прогудел, что парню нужно налегать на мясо, если он хочет вырасти настоящим мужчиной.

Хозяйка мягко увлекла мальчика за собой, дочиста отмыла ему ладошки, лицо и взъерошенные кудри. Вот только когда пришла пора раздеваться для ванны, Чжо Лань проявил неожиданное упрямство, наотрез отказавшись стягивать рубаху при чужой женщине. Пришлось звать на помощь Алекса.

Тот лишь посмеивался: аккуратно усадил смущенного ребенка в теплую бочку, посидел рядом, следя, чтобы тот не соскользнул в воду, а после выудил обратно и завернул в пушистую простыню.

Чжо Лань страшно не любил обременять окружающих, а уж заставлять Алекса возиться с собой и вовсе считал непозволительным. Он упрямо пытался делать все сам.

— Ты слишком самостоятельный для своих лет, — со вздохом заметил Алекс, промокая мокрые пряди.

— Разве слушаться — это плохо? — не понял Чжо Лань, уставившись на него снизу вверх.

— Порой — не самое лучшее качество, — Алекс ласково взъерошил подсыхающие кудри. — Но ты все делаешь правильно, не бери в голову.

К тому моменту, как они закончили, на кухне уже все было готово к ужину.

Заправлял на кухне сам хозяин — готовил он щедро, по-мужски. Блюда были простыми, но

сытными, а от ароматов кружилась голова. Примостившись у края стола, Чжо Лань нерешительно переводил взгляд с одной тарелки на другую: глаза разбегались, а робкая натура нашептывала, что тянуться к еде без спроса невежливо.

Поняв его замешательство, Алекс заботливо наполнил его тарелку самыми вкусными кусочками.

Удостоверившись, что все в порядке, мальчик тут же принялся уплетать угощение с поистине детским аппетитом.

Хозяева, мечтавшие во что бы то ни стало откормить маленького гостя, выставили перед ним огромную миску, которая была вдвое больше его личика. Пока взрослые шумно болтали о городских новостях и ценах на ярмарках, Чжо Лань, не понимая и половины слов, сосредоточенно опустошал посуду.

Наконец малыш почувствовал, что сыт по горло.

Как ни старался он угодить гостеприимным хозяевам, силенки его иссякли — детский желудок просто не мог вместить больше. Когда радушный богатырь вознамерился положить ему еще пару жирных ломтей, Чжо Лань испуганно зажал рот ладошками и спрятался за широкую спину Алекса.

Алекс не сдержал тихой усмешки. Он мягко пощупал округлившийся животик Чжо Ланя и жестом показал приятелю, что с угощением пора завязывать.

Ночевать их устроили в гостевой комнате.

Чжо Лань упрямо цеплялся за одежду Алекса, не желая засыпать в одиночку. Измотанный за день ребенок засыпал на ходу, так что Алекс уложил его пораньше. Оказавшись на мягкой постели, Чжо Лань сонно уставился на мужчину и сладко зевнул:

— А ты разве не будешь спать?

— Мне нужно еще перемолвиться парой слов с хозяевами. А тебе пора отдыхать, — Алекс ласково погладил его по шелковистым волосам. — Чжо Лань... тебе здесь нравится?

— Да, — пролепетал Чжо Лань, чьи ресницы уже слипались от усталости. — Тут очень вкусно кормят, постель теплая... и они славные...

Под конец фразы его голос сошел на нет, и веки плотно сомкнулись. Алекс тихо выдохнул:

«Спи крепко», и Чжо Лань сквозь сон пробормотал что-то неразборчивое, мгновенно провалившись в глубокое забытие.

Постояв у изголовья постели и убедившись, что дыхание мальчика стало ровным и глубоким, Алекс бесшумно выскользнул в коридор и притворил за собой дверь.

Супруги уже ждали его за столом в гостиной.

— Ну что там? — прогудел хозяин, сидевший на лавке во всю свою богатырскую ширь. — Угомонился малец? На новом месте не колобродит?

— Уснул, — отозвался Алекс. — Он не из капризных. Слишком привык к ночевкам в лесу на голой земле, так что эта постель для него — роскошь.

— Бедное дитя... Ты бы видел, как он на еду накинудся, — сокрушенно вздохнула женщина. — Сколько же горя на его долю выпало? Мальчик ведь чудесный, ласковый — такого только холить да лелеять. И за что ему такие муки?

— О его прошлом мне ничего не известно. Когда я нашел его, от его родной деревни осталась лишь грудa пепла...

Алекс неторопливо, в подробностях пересказал обстоятельства их первой встречи и то, как безропотно малыш переносил все тяготы кочевой жизни.

Когда он замолчал, в комнате надолго воцарилась тяжелая тишина. Супруги переглянулись, и жена подняла на Алекса серьезный, испытующий взгляд:

— Ты и впрямь твердо решил оставить его у нас?

<http://bllate.org/book/19532/1997227>